

пока в весьма впечатляющем, но слишком книжном по истокам своим образе добровольной страдальицы Нелли Смит.

В романе дан новый вариант «слабого сердца» — Алеша Валковский. Образ Алеши строится на том же психологическом контрасте, что и характер Ростанова: «чистота сердца» и в то же время отсутствие самобытного отношения к миру, приспособляемость к нему. Но сходство это внешнее, так как любой психологический комплекс у Достоевского имеет значение лишь в связи с этической позицией героя. У Ростанова приспособляемость выражает альтруистический отказ от личных интересов. У Алеши Валковского приспособляемость эгоистична: зная общую любовь к себе, он заставляет всех решать его судьбу в его же интересах. Характер этот также служит критике уходящей культуры, не случайно он лишен прежней сочувственной лирической атмосферы, характерной для отношения писателя к героям сходного типа в повестях 40-х годов.

Образ князя Петра Валковского — еще одно звено в критике ложного дворянского романтизма у Достоевского. Валковский имеет внешнее сходство с романтическим героем: он концентрирует в себе множество пороков, и они поданы крупно, броско; он бросает злобный вызов общественной морали; он производит впечатление злого «владельца мира сего». Но его отрицание лишено того позитивного значения, которое было свойственно настоящему «байроническому» герою, так как он отрицает не мировое несовершенство, не социальное зло, а «шиллеровщину», т. е. поиск общественной гармонии, нравственные основы жизни, потребность идеалов. «Своеволие» его лишено большого философского значения, оно означает лишь циничную защиту ничем не сдерживаемого эгоизма. Князь Валковский оказывается таким же ложным романтическим героем, как его тезка Петр Александрович из повести «Нечочка Незванова», как Голядкин-младший и Фома Опескин. Возвращение Достоевского к сходным нравственно-психологическим типам служит выяснению исторических перспектив определенной духовной культуры.

Эволюция романтического характера показывает усиление критики дворянского «бытового романтизма» в творчестве писателя. В 40-е годы в «Двойнике» и «Нечочке Незвановой» «байронический комплекс» изображался как рабское подражание «мелкофашистствующего» «маленького человека» романтическому герою; в «Селе Степанчикове» и «Униженных и оскорбленных» этот комплекс используется уже для пародии на дворянскую идеологию, оправдывающую насилие, своскорыстие, эгоизм.

Развитие sentimentalного характера в творчестве Достоевского свидетельствует о том, что, вступая в новое десятилетие, в 60-е годы, писатель уже не ищет опоры для братства людей в sentimentalно-утопическом мировосприятии, — оно оценено как сознание, связывающее человека со старым миром.

А. В. АРХИПОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И КАРАМЗИН

Вопрос о связи двух писателей можно ставить как в плане творческой, даже стилистической близости между ними, так и в плане общего идеологического воздействия одной личности на другую. Данная работа, в отличие от других,¹ посвящена выяснению того, что значил Карамзин для Достоевского в плане идеологическом — как мыслитель и историк.

Из писем Достоевского и воспоминаний его младшего брата известно, что с творчеством Карамзина писатель был знаком с детства. К 1870 г. относится его заявление: «Я возрос на Карамзине» (П., II, 300). А вскоре после этого он писал: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» (21, 134). Русскую историю дети в семье Достоевских учили по «Истории государства Российского» Карамзина, читали и повести этого писателя и «Письма русского путешественника».²

Тем не менее молодой Достоевский не вынес из родительского дома большой любви к Карамзину, особого почтения к этому писателю. Никаких упоминаний Карамзина нет ни в сочинениях, ни в письмах Достоевского вплоть до конца каторги. Зато в начале следующего творческого периода, в 1859—1861 гг., имя Карамзина часто упоминается в художественных и публицистических произведениях Достоевского, и при этом, как правило, в полемических целях. Отношение к Карамзину-повествователю у Достоевского в этот период ироническое. Так, в повести «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), где Карамзин несколько

¹ См.: Виноградов В. В. Школа sentimentalного натурализма. (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов) (1924). — В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976, с. 141—187 (хотя здесь и не упомянут Карамзин, но сама постановка вопроса о стиле sentimentalного натурализма молодого Достоевского предполагает возможность стилистического влияния на него Карамзина); Чичерин А. В. Ранние предшественники Достоевского. — В кн.: Достоевский и русские писатели. М., 1971, с. 357—360. См. также примечание А. С. Долинина к письму Достоевского Н. Н. Страхову от 2/14 декабря 1870 г.: П., II, 493.

² См. свидетельство об этом А. М. Достоевского: Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930, с. 68—69.

раз упомянут как автор повестей о народе, и прежде всего «Фрола Силина», ему дается саркастическая характеристика устами Фомы Фомича Опискина. Во время разговора о литературе, которая забывает свой долг и не изображает, как «сеянин и вельможа, столь разведённые на ступенях общества, соединяются наконец в добродетели», Фома Фомич восклицает: «Если я и уважаю за что бессмертного Карамзина, то это не за историю, не за „Марфу Посадницу“, не за „Старую и новую Россию“, а именно за то, что он написал „Фрола Силина“: это высокий эпос! Это произведение чисто народное и не умрет во веки веков! Высочайший эпос!» (3, 69—70). Таким образом, именно Карамзина, изображающего «облагороженного мужика», Фома Фомич противопоставляет всем современным писателям.

Дядюшка Ростанев дошпиливает эту характеристику своими читательскими впечатлениями от «Фрола Силина»: «Именно, именно, именно! высокая эпоха! Фрол Силин, благодетельный человек! Помню, читал; еще выкупил двух девок, а потом смотрел на небо и плакал. Возвышенная черта, — поддакнул дядя, сияя от удовольствия» (3, 70). Воспоминание полковника, его пересказ повести граничит с пародией. Прием пародирования здесь почти тот же, что позднее в «Бесах», где подобным же образом пересказывались произведения И. С. Тургенева.

«Фрол Силин» для Достоевского в этот период — образец литературы, но имеющей ничего общего с суровой реальной действительностью, но претендующей тем не менее на отражение жизни русского мужика.³ Повесть эту, как и творчество Карамзина вообще, уже в 1840-е годы поднимали на щит ранние славянофилы и сторонники официальной народности. Критическое отношение Достоевского к ним в этот период было одной из причин его резких выпадов против сентиментально-идиллической литературы для народа, в том числе и против «Фрола Силина», включенного в школьные хрестоматии.

Отношение к Карамзину не меняется и в пору организации журнала «Время» и выработки почвеннической программы. В «Ряде статей о русской литературе» (1861) Карамзин упоминается неоднократно и всегда с проницательной или просто отрицательной оценкой. Во «Введении» к «Ряду статей...» и в статье «Книжность и грамотность» упоминаются «Фрол Силин» и «Марфа Посадница» (18, 48; 19, 60) как примеры произведений, из которых можно узнать о русской истории не больше, чем из иностранных сочинений о России. «Точно на луке или в „Марфе Посаднице“ Карамзина» (19, 47), — восклицает Достоевский по поводу проекта книги для народного чтения «Читальник».⁴

³ См.: Степанов В. П. Повесть Карамзина «Фрол Силин». — В кн.: XVIII век, сб. 8. Л., 1969, с. 229—244.

⁴ В. А. Туниманов, комментировавший «Ряд статей о русской литературе», справедливо отметил, что «Повесть Карамзина „Марфа Посадница, или Покорение Новгорода“ для Достоевского такой же эталон псевдоисторической литературы, как „Фрол Силин“ — псевдонародной» (18, 256).

И в другом месте он призывает не судить о душе народа «по карамзинским повестям и по фарфоровым пейзажикам» (19, 40). Даже включение в книгу для народа отрывка из «Истории государства Российского» встречается проницательно (19, 37).

Карамзин воспринимается Достоевским как писатель книжный, головной, не знающий русской жизни. Его исторические сочинения написаны «во французском вкусе». Это пример писателя и интеллигента, оторванного от народа условиями своего воспитания и образования. Поэтому положительное отношение к Карамзину для Достоевского — показатель слабости и ложности идеологии самих славянофилов. В статье «Последние литературные явления. Газета „День“», посвященной критике современного славянофильства, Достоевский писал: «Славянофильство до сих пор еще стоит на смутном и неопределенном идеале своем, состоящем, в сущности, из некоторых удачных изучений старинного нашего быта, из страстной, но несколько книжной и отвлеченной любви к отечеству, из святой веры в народ и в его правду, а вместе с тем (зачем утаивать? отчего не высказать?) — из панорамы Москвы с Воробьевых гор, из мечтательного представления московских бар половины семнадцатого столетия, из осады Казани и Лавры и из прочих панорам, представленных во французском вкусе Карамзиным, из впечатления его же „Марфы Посадницы“, прочитанной когда-то в детстве» (19, 60).

Отношение к Карамзину существенно меняется у Достоевского после 1862 г., т. е. после его первого заграничного путешествия.

Летом 1862 г. Достоевский посетил Германию, Францию, Англию, Италию и Швейцарию. Он был в Берлине, встречался с Герценом в Лондоне, изучал жизнь Парижа и безусловно старался познакомиться с литературой, издававшейся на Западе и недоступной читателю в тогдашней России. А как раз в 1861 г. в Берлине, незадолго до приезда туда Достоевского, вышло первое полное печатное издание «Записки о древней и новой России» Карамзина, которое писатель несомненно прочитал.

«Записка» Карамзина была написана в 1811 г. и тогда же вручена в Твери Александру I. Царь остался недоволен «Запиской», и все попытки напечатать ее в России оставались безуспешными. Только отрывки из нее были опубликованы в 1837 г. в «Современнике» и в 1842 г. в приложении к «Истории государства Российского». «Записка о древней и новой России» распространялась в рукописных списках. Но есть основания думать, что до 1862 г. Достоевский не знал это произведение целиком.

Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» есть скрытая полемика с «Запиской» Карамзина. Думается, однако, что Достоевскому были известны некоторые ее положения из статьи Н. А. Добролюбова «Первые годы царствования Петра Великого» (1858), посвященной разбору книги Н. Г. Устрялова о Петре I. Добролюбов приводит в своей статье следующее место из «Записки» Карамзина: «К несчастью, сей государь (т. е. Петр, —

А. А.), худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнал и полюбил женева Лефорта, который от бедности заехал в Москву и, весьма естественно, пахота русские обычаи для него странными, говорил ему об них с презрением, а все европейское возвышал до небес; вольные общества Немецкой свободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортинское дело, и пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландию».⁵

Добролюбов полемизирует с этим местом из «Записки» Карамзина, и Достоевский, не упоминая Карамзина во «Введении» к «Ряду статей...», также спорит с приведенным его суждением, в своей оценке Петра во многом совпадая с Добролюбовым. «Говорят, — замечает Достоевский, — что он хотел сделать из России только Голландию? Не знаем; лицо Петра, несмотря на все исторические разъяснения и изыскания последнего времени, до сих пор еще очень для нас загадочно. Мы понимаем только одно: что нужно было быть слишком оригинальным, чтоб, быв московским парем, вздумать — не только полюбить, но даже поехать в Голландию. Неужели ж один женева Лефорт был и в самом деле всему причиною? Во всяком случае, в лице Петра мы видим пример того, на что может решиться русский человек, когда он выживет себе полное убеждение и почувствует, что пора пришла, а в нем самом уже созрели и сказались новые силы» (18, 55). Трактовка Петра как великого русского человека, а его дела как дела национального характера для «Ряда статей о русской литературе» и других сочинений Достоевского этого периода.⁶

Однако прочитав в 1862 г. «Записку о древней и новой России» Карамзина полностью, Достоевский пересмотрел многое в своих взглядах на русский XVIII век. Впечатление, произведенное этим чтением, должно было быть особенно сильным потому, что во взглядах Достоевского относительно русского прошлого происходил некоторый перелом. Выработывалась программа почвенничества, и при всем уважительном отношении к личности Петра Великого намечалась уже некоторая критическая переоценка петровских преобразований.

В статье «Книжность и грамотность» Достоевский так об этом писал: «Велик был тот момент русской жизни, когда великая, вполне русская воля Петра решилась разорвать оковы, слишком туго сдавившие наше развитие. В деле Петра (мы уж об этом теперь не спорим) было много истины. Сознательно ли он угадывал общечеловеческое значение русского племени или бессознательно шел вперед, по одному чувству, стремившему его, но дело в том, что он шел верно. А между тем форма его деятельности, по чрезвычайной резкости своей, может быть, была ошибочна.

⁵ Цит. по кн.: Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 3. М.—Л., 1962, с. 40.

⁶ См., например, его «Замечания на статью Сомовского о книге Устрялова „Царевич Алексей Петрович“» (18, 104—107; см. также примечания на с. 296—300).

Форма же, в которую он преобразовал Россию, была, бесспорно, ошибочна. Факт преобразования был верен, но формы его были не русские, не национальные, а нередко и прямо, основным образом противоречившие народному духу» (19, 18).

Читая «Записку о древней и новой России», Достоевский, как и большинство его современников, прежде всего обратил внимание на те ее страницы, где характеризовались петровские преобразования. И Достоевского не могло не поразить, как далеко зашел Карамзин в критике петровских реформ. Карамзин должен был теперь предстать перед Достоевским в несколько неожиданном качестве: как критик политики русского самодержавия. Карамзин по-прежнему воспринимался Достоевским как предтеча славянофильства, но уже тех его сторон, в которых Достоевскому видится что-то близкое его собственным взглядам. Сближения со славянофильством еще не происходит, но намечается существенный поворот. И возможно, чтение «Записки» Карамзина сыграло здесь свою роль.

Многое в критических высказываниях Карамзина относительно петровских реформ поразило Достоевского сходством с собственными его взглядами. Например, суждение об антинациональной форме преобразований Петра I: «Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ <...> Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть эти обычаи естественно изменяются, но предписывать им уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного».⁷ На Достоевского произвело впечатление и то, что Карамзин упрекал Петра в подавлении национального начала: «Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во время самозванцев; он есть не что иное <...> как уважение к своему народному достоинству. Искореняя древние нравы, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?» (с. 24). С этой мыслью Карамзина, подхваченной славянофилами, в начале 60-х годов Достоевский, как мы видели, не соглашался. Однако во всем последующем его творчестве взгляд на петровские реформы как дело, насильственно свернувшее Россию с ее естественного исторического пути, Достоевским разделялся. И мысль его о том, что в результате деятельности Петра I русское общество расколо-

⁷ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с. 24—25 (далее все цитаты из «Записки» приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте).

лось надвое (как, впрочем, считал и Белинский) и высший, образованный его слой утратил свое национальное начало, также близка замечанию Карамзина, который писал в «Записке»: «Петр ограничил свое преобразование дворянством. Дотоле, от сохи до престола, россияне сходились между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях, — со времени петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний» (с. 25).

Многие суждения Карамзина совпадали с собственными размышлениями Достоевского или в значительной степени стали основой этих размышлений. К ним, помимо приведенного мнения историка о том, что петровские реформы разобщили дворянство и народ, следует отнести и суждение об искусственности новой столицы, этого самого «фантастического» и «самого умышленного» города на свете, как скажет потом о Петербурге Достоевский. По этому поводу Карамзин писал: «Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы в северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток. Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание наших государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах» (с. 30—31).

И, наконец, мысль о том, что русский образованный слой, который в результате петровской реформы утратил связи с народом и почвой, и породил множество внешних и внутренних эмигрантов, «citoyens du monde», как иронически называл их Достоевский, мысль эта также перекликается с суждением Карамзина: «При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» (с. 27—28).

Таким образом, «Записка о древней и новой России» Карамзина кое-что во взглядах Достоевского укрепила, а некоторые из его воззрений побудила изменить. Она, без сомнения, вызвала новую волну интереса Достоевского к проблемам русской культуры XVIII в.

Сказалось это прежде всего в «Зимних заметках о летних впечатлениях», написанных после заграничной поездки 1862 г. Создавая их, Достоевский перечитал «Письма русского путешественника» (следы этого чтения видны в «Зимних заметках», и здесь мы впервые встречаем у Достоевского не ироническое, а вполне сочувственное упоминание Карамзина). От Карамзина Достоев-

ский обратился к Фонвизину («Письма из-за границы», драматические произведения) и вообще к русской и западной литературе и культуре XVIII в. Не случайно в «Зимних заметках» возникает целая глава («Глава III и совершенно лишняя»), посвященная экскурсии в прошлое — в быт и нравы XVIII в. Глава эта в основном рассматривает затронутую Карамзиным проблему раскола русского общества в результате реформ Петра Великого. Картина русской жизни XVIII в. здесь близка к Карамзину. Все эти французские кафтаны и треуголки, чулки и бандажи, эти «шпажонки», которые прицепляли сбоку дебелие поменники, призваны были представить их немцами в глазах собственного народа и подчеркнуть отличие барина от мужика: «Барина, дескать, видно, не в шипуне ж ходить барину» (5, 53). Но Достоевский не только следует за Карамзиным-историком. Он также скрыто полемизирует с ним. Все-таки, отмечает он, русское дворянство XVIII в., несмотря на пудру и «шпажонки», было еще во многом близко народу, подтверждением чего является художественное творчество Фонвизина, в частности анализируемый им «Бригадир».⁸

Достоевский утверждает, что разобщенность в России интеллигенции и народа достигла своей крайней точки в начале XIX в., в царствование Александра I. Но тогда же появились в России и люди, признавшие эту разобщенность злом и пытавшиеся противостоять ей, мечтающие о сближении с народом, с почвой. Такими людьми представляются Достоевскому не только декабристы и их художественное воплощение — Чацкий, но и прямо не упомянутый им в этой связи в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Карамзин. Ибо именно он впервые так смело и резко заговорил об оторванности дворянской интеллигенции от народа и антинародном характере петровских преобразований.

Другим следствием чтения «Записки о древней и новой России» было изменение отношения Достоевского к Петру. Причины этого изменения сложные, одна из них — сближение со славянофилами. «Записка» же Карамзина только один из факторов и, может быть, не главный в повороте Достоевского к историко-философской концепции славянофилов. Но и этот фактор как-то надо учитывать. От апологии Петра в статьях 1861 г. Достоевский движется к резко отрицательной оценке, сводящейся к тому, что Петр не понимал России и русского народа, не любил их. Карамзин заметил в «Записке»: «Умолчим о пороках личных» (с. 24). Достоевский же о них не умолчал. В его записной тетради 1874—1875 гг. осуждаются не только реформы Петра, но и личность преобразователя.

«Второстепенность и мелочность „взглядов Петра“.

Флот (для одной Швеции).

Петербург — перемещение центра грубое.

Забыл и совсем не понимал идею веры и православие.

⁸ См. об этом: Фридендер Г. М. Достоевский и Фонвизин. — В кн.: XVIII век, сб. 10. Л., 1975, с. 92—97.

Народ как податный материал.

Раскольники (лишь бы платили деньги).

Чины (обратились же в то же дворянство, но только лишь подточенное. Как бы не сознавали, что делали).

Совершенное отсутствие экономического чутья в идее помещика, а все его слуги с уничтожением частных хозяйств и личности. Идея, достойная персидского шаха.

Развратник и нигилистка <...>

Изверг-сыноубийца» (21, 272).

Здесь много пунктов, совпадающих с критикой Петра Карамзиним: отсутствие духа народности, перенесение столицы, принижение старого дворянства. Следует оговориться, что отношение Достоевского к Петру — вопрос, не решаемый однозначно. Отношение это не просто менялось от положительного к отрицательному. Со временем восприятие его личности становилось более сложным и диалектичным. Однако критическое отношение к Петру как к личности сохранилось у автора «Дневника писателя» вплоть до 1880—1881 гг.

Отношение же Достоевского к Карамзину существенно изменилось после 1862 г. Как писатель Карамзин мало привлекал Достоевского. В набросках к сатирической повести «Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже» (1865) несколько раз иронически упоминается «карамзинский слог» (см.: 5, 328, 329, 336) как характеристика стиля героя повести. Видимо, сохраняется в этот период и прежнее отношение к карамзинским повестям, на что намекает перефразированная цитата в «Крокодиле» из «Марфы Посадницы» («Люди дикие любят независимость, люди мудрые любят порядок» — 5, 198, 328). Но к началу 1870-х годов сочувственное отношение Достоевского к Карамзину как историку и мыслителю возрастает. Карамзин, по его мнению, верно почувствовал, что государственная политика должна исходить из идеи народности. Поэтому, когда в 1870 г. возникла полемика о Карамзине между А. Н. Пыпиным и Н. Н. Страховым, Достоевский не случайно встал на сторону Страхова, защищая Карамзина. В 9-й книжке «Вестника Европы» за 1870 г. была помещена четвертая часть «Очерков общественного движения при Александре I» А. Н. Пыпина под названием «Карамзин. Записка о древней и новой России». Разбирая только общественно-политическую и оставляя в стороне литературно-художественную деятельность Карамзина, Пыпин рассматривал его как противника либеральных реформ, выразителя консервативно-охранительной идеологии. Карамзину он противопоставлял Сперанского (его характеристике посвящена 3-я часть «Очерков» Пыпина), представителя лагеря реформаторов, убежденного в необходимости коренных общественно-политических преобразований.

На очерк Пыпина о Карамзине ответил Страхов, опубликованный в октябрьском номере «Зари» за 1870 г. «Вздых на гробе Карамзина» — статью, стилизованную под сентиментальный карамзинский стиль и содержащую лирические воспоминания ав-

тора о годах учения в провинциальной семинарии. Страхов писал здесь о том огромном благотворном влиянии, какое оказало на его умственное и духовное развитие в эти годы чтение «Истории» Карамзина. Полемика Страхова с Пыпиным во многом не убедительна, но для нас важна в данном случае лишь ее общая тенденция — защита Карамзина как деятеля, имевшего бесспорное значение в истории русской культуры. Достоевский дважды сочувственно отозвался о статье Страхова — в письмах к нему от 2 декабря 1870 г. и 18 марта 1871 г. Писатель особенно одобрил ее лирическую часть — рассказ автора о своем детстве и о чтении им Карамзина: «К статье о Карамзине (вашей) я пристрастен, ибо такова почти была и моя юность, и я возрос на Карамзине. Я ее с чувством читал» (II, II, 300).

Одобрил Достоевский и полемику Страхова с Пыпиным. Отголоском чтения статей Пыпина явилось замечание в подготовительных материалах к «Бесам»⁹ о Карамзине и Сперанском: «Кто: Сперанский или Карамзин? Вопрос должен именно в том состоять, кто передовой: Сперанский или Карамзин? А он на той же точке стоит, только просит, чтоб с Карамзиным капелючку попочтительней. Так ведь это еще хуже нигилизма. Точно так же и с верой» (11, 289).

Трудно сказать, кого имеет в виду Достоевский в этой записи. Это могло быть конкретное историческое лицо, которое «на той же точке стоит» (т. е. на точке зрения Пыпина), но «просит, чтоб с Карамзиным капелючку попочтительней», но мог быть и кто-то из героев романа «Бесы» (скорее всего — Кармазинов). Во всяком случае либеральная (пыпинская) трактовка Карамзина, даже облеченная в более пристойную, «почтительную» форму, представлялась Достоевскому неверной — «хуже нигилизма». Для писателя в этот период вопрос: «Кто: Сперанский или Карамзин?» — решается вполне определенно. Сперанский — предтеча западничества, продолжатель духа петровских реформ, цели его деятельности ложны, ошибочны.¹⁰ Наоборот, Карамзин представляется Достоевскому мыслителем, сохранившим верность русской народной точке зрения. Отсюда причисление Карамзина к тем факторам, которые формировали сознание самого Достоевского.

В статье «Одна из современных фальшей» («Дневник писателя» за 1873 г.) Достоевский писал: «А между тем я был, может быть, одним из тех <...>, которым наиболее облегчен был возврат к народному корню, к знанию русской души, к признанию духа народного. Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти

⁹ Отмечено Н. Ф. Будаповой в комментарии к «Бесам» (12, 363).

¹⁰ Сравни упоминание Сперанского среди других «европейцев», как называет Достоевский порождевшую реформам Петра интеллигенцию, в западной тетради писателя 1872—1873 гг. (21, 287).

все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого велух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня» (21, 134). Впечатления от Карамзина здесь идут в одном ряду с чтением Евангелия, любовными отношениями в семье, уважением к национальным преданиям и святыням.¹¹ Детство Достоевского, изображенное здесь, — это идеализированная картина формирования будущего славянофила. Подобным же образом характеризовал Достоевский истоки славянофильской идеологии ранее, в статье «Последние литературные явления», где упоминались и «панорама Москвы с Воробьевых гор», и впечатления от сочинений Карамзина, «прочитанного когда-то в детстве» (19, 60). Но если в 1861 г. эти славянофильские впечатления были обрисованы иронически, то теперь, в 1873 г., — вполне сочувственно и серьезно.

Однако Достоевский осознавал при всем этом и противоречия в общественно-политических взглядах Карамзина, и их эволюцию. Одно дело — Карамзин как автор «Записки», другое дело — Карамзин периода «Писем русского путешественника», — молодой, восторженный, горько сочувствовавший республиканским идеям. Не высказывая прямо своего отношения к Французской революции в «Письмах русского путешественника» (1792—1795), Карамзин оказался более откровенным в статье на французском языке «Un mot sur la littérature russe» («Несколько слов о русской литературе»), написанной в 1797 г. для гамбургской газеты «Spectateur du Nord» и тогда же в ней напечатанной. Статья эта была опубликована в России в 1866 г. в качестве приложения к изданию писем Карамзина к И. И. Дмитриеву. Достоевский знал эту книгу и несомненно читал помещенную в ней французскую статью Карамзина.¹² Напомним, что о сочувственном отношении Карамзина к Французской революции писал также декабрист Н. И. Тургенев в своей книге «La Russe et les Russes» («Россия и русские») (Paris, 1847). В приложении к первому тому здесь содержится заметка о Карамзине, где, между прочим, сказано: «В молодости Карамзин видел Европу; он прибыл во Францию в эпоху террора. Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что, получив известие о смерти грозного трибуна, он пролил слезы; под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности и твердости его характера и даже его скромному домашнему обиходу, составлявшему, по словам Карамзина, контраст с укладом жизни людей той эпохи».¹³

¹¹ Не случайно Достоевский рекомендует Карамзина для юношеского чтения (в письме к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. — П., IV, 196).

¹² О знакомстве Достоевского с письмами Карамзина к Дмитриеву см. в примечании А. И. Батюто к «Дневнику писателя» за 1877 г. (25, 364).

¹³ Тургенев Н. И. Россия и русские, т. I, М., 1915, с. 342.

Достоевский знал книгу Н. И. Тургенева, а в 1875—1876 гг., когда он собирался писать статью о декабристах,¹⁴ вероятно перечитал ее.¹⁵ В «Дневнике писателя» за 1877 г. Достоевский, говоря об отношении современников к Французской революции, дважды (в статьях «Мы в Европе лишь стрюцкие» в январском выпуске и «Никогда Россия не была столь могущественною, как теперь, — решение не дипломатическое» в майско-июньском выпуске) упоминает Карамзина в этой связи. Речь идет о том, что в конце XVIII в. ни в России, ни в Европе никто не догадывался о предстоящих событиях — Французской революции со всеми ее последствиями. Начало революции, как и предшествующее ей общественное движение, приветствовали просвещенные умы Европы: «Шиллер написал, например, тогда дифирамб на открытие национального собрания; путешествовавший по Европе молодой Карамзин смотрел с умилительным дрожанием сердца на то же событие, а в Петербурге, у нас, еще задолго перед сим красовался мраморный бюст Вольтера» (25, 147). Ту же мысль Достоевский высказал по другому поводу: говоря о постоянном сочувствии русской интеллигенции революционному движению на Западе («даже самые „белые“ из русских у себя в отечестве становились в Европе тотчас же красными»), он вспоминает отношение Карамзина к Французской революции. «Мы с восторгом встретили пришествие Руссо и Вольтера. Мы с путешествующим Карамзиным умилительно радовались созванию „Национальных итатов“ в 89 году...» (25, 24). То, что Карамзин восторженно встретил революцию, для Достоевского — факт во многом показательный, ибо молодой Карамзин для него являлся ярким и типичным представителем той русской интеллигенции, которая жила с постоянной оглядкой на Европу. И он неизбежно должен был позднее разочароваться в идеалах молодости, прийти «потом в отчаяние <...> вместе с передовыми европейцами», вместе с ними плакать над их «погибшими мечтами» (25, 24). Выученик и поклон-

¹⁴ См. об этом: Архипова А. В. Дворянская революционность в восприятии Ф. М. Достоевского. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 219—246.

¹⁵ Можно предположить, что замечание о декабристах в записной тетради Достоевского 1875—1876 гг.: «Когда же дошли до того, что Ермолов сказал, отчего же мы не лорды, то ответ на вопрос сей последовал 14 декабря. Что такое 14 декабря? Бунт русских помещиков, желавших стать лордами...» (24, 146) — в той или иной мере восходит к рассказу Н. И. Тургенева об адмирале Мордвинове. Последний был известен своими либеральными взглядами, он мечтал о государственных преобразованиях в английском духе. «Добрый адмирал», — писал Н. И. Тургенев — не придавал должного значения огромному злу, происшедшему от рабства. Он хотел политической свободы и особенно верхней палаты, организованной аристократии; он восставал с благородным и горячим негодованием против всемогущества императорской власти» (Тургенев Н. И. Россия и русские, т. I, с. 90). По-видимому, Ермолов и Мордвинов — два прогрессивных деятеля александровской эпохи, пользовавшиеся авторитетом среди декабристов и прочим образом в состав будущего временного правительства, — объединились в сознании Достоевского.

ник европейской культуры, «республиканец в душе», как характеризовал сам себя Карамзин, остался в глазах Достоевского характерным порождением петровских реформ, предтечей русского либерального западничества. Карамзин же — критик петровских реформ воспринимался Достоевским как отдаленный предшественник славянофилов и почвенников. Эта двойственная оценка роли Карамзина в истории русской культуры и общественной мысли позволяла Достоевскому в одних случаях положительно отзываться о Карамзине, а в других резко критиковать его, акцентируя то одну, то другую сторону его деятельности.

Ю. Ф. КАРЯКИН

ЗАЧЕМ ХРОНИКЕР В «БЕСАХ»?

«Пусть потрудятся сами читатели».

«Знаете ли вы, сколь силен может быть один человек?».

(Ф. М. Достоевский)

М. Горький первый — и резко — поставил этот вопрос еще в 1935 г.: «...критика не заметила одного из главных героев — лицо, которое ведет рассказ».¹ «Из главных». В самой постановке намечался и ответ. Однако остается неясным, хотел ли М. Горький найти нечто положительное в «Бесах» или ориентировался на окончательное их отрицание. Теперь такой ответ, ответ определенный и обоснованный, дан нашей наукой.² Интересно, согласился ли бы с ним сам М. Горький, будь он сегодня жив? Голос Хроникера наконец-то услышан, и, оказывается, это вносит существенные поправки в наше общее восприятие и понимание романа.

Просчет или открытие?

Хроникер этот беспокоил меня давно, но как-то глухо. Вопрос, однако, стал практически неотложным, когда я начал работать над инсценировкой романа: нужен ли он или нет? какие доводы «за», какие — «против»? в чем его художественный смысл?

Первый порыв был: конечно, нужен. И тут же сомнение: а если выйдет резонер?

«Господин Г—в». Кто помнит эту фигуру? Имя? Приходится проверять: «Антон Лаврентьевич» (назван так всего три раза). «Молодой человек». Где-то служит, когда — непонятно: все время бегаёт. В романе выполняет чисто внешнюю, техническую, механическую даже функцию — спивает события белыми нитками, а нитки эти все время рвутся. Роман держится собственным полем напряжения, живет вопреки Хроникеру. Образ расплывчатый и в то же время невероятно противоречивый, да и никакой это, в сущности, не образ, а так, мерцание. Его безличностный лепет

¹ Горький М. Об издании романа «Бесы». — Правда, 1935, 24 января; Литературная газета, 1935, 24 января.

² В работах Л. П. Гроссмана, А. С. Долинина, Ф. И. Евнина, Д. С. Лихачева, Р. Г. Назирова, В. А. Туниманова, Г. М. Фридендера, П. М. Чиркова и др. Особенно основательный труд В. А. Туниманова «Рассказчик в „Бесах“ Достоевского» (в кн.: Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972, с. 87–162).